

ШЕРЛОК

Артур Конан Дойл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
**ШЕРЛОКА
ХОЛМСА**

Предисловие
Марка Гэтисса

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111–312.4
ББК 84(4Вел)–44
Д62

Arthur Conan Doyle
THE ADVENTURES OF SHERLOCK HOLMES

Introduction by Mark Gatiss

Published in 2011 by BBC Books, an imprint of Ebury Publishing.
Ebury Publishing is a part of the Penguin Random House group of
companies.

Sherlock is a Hartswood Films production for BBC Wales,
co-produced with MASTERPIECE.

Executive Producers: Beryl Vertue, Mark Gatiss and Steven Moffat
BBC Executive Producer: Bethan Jones
MASTERPIECE Executive Producer: Rebecca Eaton
Series Producer: Sue Vertue

Дойл, Артур Конан.
Д62 Приключения Шерлока Холмса : [перевод с ан-
глийского] / Артур Конан Дойл ; предисл. Марка Гэ-
тисса. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-17-096845-9

Как спасти брак короля и кого принимают в «Союз ры-
жих»? Способна ли крыса помочь установить убийцу и что
можно найти внутри рождественского гуся? Какое зловещее
послание несут в себе зернышки апельсина и за что отсекли
палец инженеру-гидравлику? На эти и многие другие каверз-
ные вопросы можно с легкостью найти ответ. Правда, для это-
го нужно быть всего-навсего гением. Таким, как мистер Шер-
лок Холмс с Бейкер-стрит.

УДК 821.111–312.4
ББК 84 (4Вел)–44

Introduction © Mark Gatiss, 2011.
This book is published to accompany
the television series entitled Sherlock,
first broadcast on BBC1 in 2011
Front and back cover photographs by
Colin Hutton © Hartswood Films Ltd
© М. Фетисова, перевод предисловия
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-096845-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Скандал в Богемии.	12
Союз рыжих.	42
Установление личности.	72
Тайна Боскомбской долины	94
Пять апельсиновых зернышек.	127
Человек с рассеченной губой.	151
Голубой карбункул	180
Пестрая лента	205
Палец инженера	237
Знатный холостяк	262
Берилловая диадема	291
«Медные буки»	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взяв старую черную вересковую курительную трубку, я пригвоздил складным ножом не вскрытые письма к каминной полке и погрузился в мрачную задумчивость. Экваториальный шторм воеет за окном, посетитель отчаянно дергает шнурок колокольчика. Я готов к приключениям. А вы?

Это действительно честь и удовольствие — получить шанс представить «Приключения Шерлока Холмса». С одной стороны, они остаются для меня лучшими рассказами о Холмсе, историями, написанными Артуром Конан Дойлом в первом порыве литературного успеха и неудержимом всплеске ярких, блестящих идей, которые лились из его поразительно изобретательного ума. Однако есть и другая причина, почему эти истории остаются столь милы моему сердцу: это первые приключения Холмса и Ватсона*, которые я прочитал.

Не могу сказать точно, когда впервые узнал о самой крепкой литературной дружбе, но помню, что, когда мне было семь, на стене моей классной комнаты висел плакат с Холмсом (с пометкой «Великий детектив»), а замечательные фильмы с Бэзилем Рэтбоуном и Найдже-

---

* В русском дубляже телесериала «Шерлок» используется именно такой вариант перевода фамилии доктора, тогда как во многих (в том числе и помещенных в настоящее издание) переводах произведений Конан Дойла встречается вариант «Уотсон. — Прим. ред.

лом Брюсом уже навсегда врезались в мою память. Будучи отчаянно некрутым ребенком, я таскался повсюду с маленькой крючковатой желтой пластмассовой трубкой, набитой кокосовым табаком (стояли 1970-е!) или недавно скошенной травой, в зависимости от состояния моих карманных денег, пытаюсь делать выводы о поведении отца по дорожке пепла от его «Эмбасси №3». Не помню, чтобы я докопался до чего-то большего, чем то, что он наступил в какую-то грязь, а потом, когда смотрел «Нешнвайд», зажег сигарету.

Однако я толком не читал ни одной оригинальной истории до той роковой субботы, когда, оправившись после краснухи, получил вознаграждение: поездку в *WH Smith** и покупку любой книги, какую только захочу.

Там, угнездившись среди всех возможных претендентов на мой блестящий пятидесятипенсовик, красовалась роскошная пухлая книга в пурпурной мягкой обложке с цветной иллюстрацией Сидни Пэджета: «Приключения Шерлока Холмса». Все это обещало увлекательные тайны с легким налетом очарования викторианской эпохи, которую я уже страстно любил. Но сначала было предисловие. Теперь я уже немного из него вспомню, кроме того, что оно заканчивалось волнующе сентиментально: «Хотел бы я прочитать эти рассказы впервые!» Помню, как тем вечером устроился поудобнее в кровати и, волнуясь, приступил. Да!

Там, на этих страницах, я впервые узнал ужасные подробности о пальце мистера Хэдерли, встретил скандально известную Ирен Адлер и самоуверенного Джа-

---

* Одна из крупнейших розничных групп в Великобритании, основанная почти 200 лет назад и специализирующаяся на продаже книг, периодики и канцелярских товаров. Название стало нарицательным и часто употребляется просто в форме «Дабл-Ю-Эйч». — *Прим. ред.*

беза Уилсона. Там открыл любопытное значение слова «gat» и содержание конверта, повлекшее смерть Элайеса Опеншоу, узнал об Айзе Уитни и слитке золота, о секрете, хранищемся в рождественском гусе, и диком ужасе, который внушал Ройлотт из Сток-Морона. Глубоко, как в багровый викторианский плюш, я погрузился в зловещую и блестящую мелодраму, «Приключения» стали всем, чего я желал, и даже больше. Однако в сердце каждого рассказа лежит в первую очередь история трогательной, невыразимой словами дружбы между двумя совершенно разными людьми: практичным, честным, доблестным Ватсоном и утонченным, беспристрастным и надменным Холмсом. Я полюбил их обоих с того момента, как прочитал: «Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной»», мгновенно охваченный предвкушением романтики и одновременно – меланхолического намека на потерю. Из этих историй мы узнаем вкусные подробности о доме 221-б по Бейкер-стрит, первые намеки на дела, о которых никогда не прочитаем (Пэредол Чэмбер! Общество Нищих-Любителей! Безумие полковника Уорбэртона!), и дополнительные доказательства холмсовского гения – хладнокровного, но завораживающего.

Когда у нас со Стивеном Моффатом возникла идея осовременить истории (или осовременить их снова, поскольку Рэтбоун и Брюсом сделали это первыми!), это произошло не из-за отсутствия любви к великолепному поздневикторианскому миру. Скорее это было желание почти буквально сдуть туман, что заволок бессмертную дружбу, избавиться от атрибутов, затмивших в нашем сознании Холмса и Ватсона. Мы хотели вернуться к блестящим оригиналам и понять, что, в первую очередь, заставило нас их полюбить. Придерживаясь выбранного пути – с некоторым, я счастлив сказать, успехом – нам

удалось экранизировать кой-какие моменты, которых едва (а то и никогда) касались в предыдущих адаптациях. Роковая первая встреча в госпитале Святого Варфоломея, Холмс, порюющий трупы, чтобы оценить, появляются ли синяки после смерти, любопытная «подвижная», полученная на войне, рана Ватсона, поразительная неосведомленность Холмса в вопросах, которые его не интересуют, — вроде того, что Земля вращается вокруг Солнца! Мы были растроганы и восхищены откликом на наших мальчиков с Бейкер-стрит, но на самом деле всего лишь возвращались к Конан Дойлу. Снова и снова, когда у нас возникает проблема, ответ находится у сэра Артура. Взять, к примеру, эту жемчужинку, на которую я случайно наткнулся, перечитывая «Установление личности». Холмс с Ватсоном наблюдают за женщиной, в нерешительности смотрящей на их окна. «— Знакомые симптомы, — сказал Холмс, швыряя в камин окуроч. — Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок».

Что может быть безупречнее и прекраснее?!

Проглотив «Приключения», я поддался сумасбродному желанию прочитать все остальные истории и помчался покупать полное собрание рассказов о Шерлоке Холмсе. Конечно, как любит подчеркивать Стивен*, только законченный ботан может вообразить, что, прочитав все рассказы о Шерлоке Холмсе, можно получить знак почета на детской площадке! Я жалею по сей день, что тогда не нашел времени насладиться ими сполна. До сих пор храню ту старую потрепанную книгу и хотя

---

* Имеется в виду Стивен Моффат.

Предисловие

люблю каждую ее пожелтевшую страницу и восторгаюсь мириадами удовольствий за ее пределами, эти первые прочитанные рассказы, «Приключения», остаются моими любимыми.

Итак, цитируя предисловие той книжки спустя столько лет, хотел бы я прочитать эти рассказы впервые. Если раньше вы никогда не перелистывали этих священных страниц, не окунались в мир опиумных прионов и дьявольских отчимов, залитых кровью драгоценных камней и тайных обществ, одержимых мезтью, то я вам завидую. Честное слово. Вас ожидают чудесные моменты.

Марк Гэтисс

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощенного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как

© Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2009.

Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы, ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако, помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было 20 марта 1888 года, — возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей

памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагнул из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его движений и весь облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без пространных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронизательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, — заметил он. — Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

— Семь! — возразил я.

— Правда? А мне показалось, немного больше. Чуть-чуть больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда вы это знаете?

— Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка — большая нееряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на

костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

— Когда вы рассказываете, — заметил я, — все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не подскажите какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая трубку и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?